

Егда два крещения, то две и веры имуть быти». Продуманной системой вопросов «верный инок» заставляет «отступника», энергично спорящего с ним, прийти в противоречие с его собственными утверждениями. Не будучи в силах опровергнуть последнего довода «верного»: если он сам хочет перекреститься по «нынешней новой вере», то надобно «и святых отец крестити, от них же мы научени суще, и прежде бывших царей, и патриархов, и митрополитов, и архиепископов, и епископов, и всякого священническаго и иноческаго чина, и престолюдинов, отец наших и праотцов, и нынешняго царя ... подобает ... сызнова крестити», — «отступник» вынужден грозить расправой и бежать от спора, «яко бес и не простяся».

Для доказательства своего взгляда на «нынешнее крещение», которое «великия злобы злейше есть», автор избрал форму «прения» — одного из излюбленных жанров полемической литературы. Используя некоторые формальные приемы «прения», и прежде всего диалог, который строится с помощью стереотипных вводных фраз: «верный рече», «отступник рече», — или просто обозначений спорящих: «верный», «отступник», — автор, однако, несколько отходит от традиционной формы «прения» и создает произведение, отмеченное рядом особенностей, свойственных той части старообрядческой литературы, в которой происходит преобразование традиционных форм под воздействием возникших новых требований к литературе.

Какие же это особенности?

В «Прении верного инока с отступником», кроме двух спорящих героев, присутствует еще и третье лицо — автор. Автор выступает как очевидец, свидетель этого спора: «верный ... нам про их козни много на пользу душам сказал. Аз же, грешный, и вам не поленился се известно сотворити». Авторское «я» сообщает всему рассказу о споре «верного» с «отступником» особо доверительный, интимный тон. Повествование от лица рассказчика-очевидца не встречается в обширной литературе «прений». Это один из характерных приемов старообрядческой литературы, широкое использование которого было вызвано отчасти чисто практическими задачами убеждения, стоявшими перед ней. Так, в «Прении» этим литературным приемом достигались две цели. Во-первых, это было лишним свидетельством правдивости, достоверности того, о чем только что поведал автор. Во-вторых, автор получал возможность прямо, «в лоб» высказать свое отношение к рассказанному: «и нам даждь, владыко, утверженьем быти во единой истинной вере и не прелогатися, якоже они, отступницы». Отмеченная особенность «Прения» имеет принципиальное значение для изучения старообрядческой литературы: она является выражением особой тенденции в развитии художественных норм старообрядческой литературы — принципа автобиографизма.

Писатель нарушает традицию книжного стиля «прения» и тем, что стремится иногда передать спор с помощью оборотов устной речи. Так, «отступник» спрашивает у своего противника: «И ноне что мя новым нынешним крещением поносиши?» — или кратко отвечает: «Аз убо по нынешней новой вере паки бы перекрестился». Особенно интересна в этом отношении заключительная часть спора, когда «отступник» начинает грозить «верному» расправой «властей»: «власти те на вас добры, немного дают говорить, рот-от у вас затыкают кулаками, а иное-каменiem в зубы, да и бороды теребит горазды. Да кабы и ты попал им в руки, был бы ты мякок» и т. д. Просторечие в данном случае выступает как своего рода средство характеристики, показатель невежественности, «грубости» «отступника», но само стремление фиксировать разговорную речь в литературном произведении весьма знаменательно для старообрядческой литературы.